

Надо все это забыть и продолжать играть по-старому, по правиламъ, съ „искусствомъ“.

„Вѣдь на то и искусство“, думалось ему, „чтобы всему придавать блестящую окраску, которая бы возвышала мысли надъ грубой дѣйствительностью“.

Долго-долго мучился Щепкинъ и не могъ разобратъся съ своими мыслями. Но онъ былъ твердъ характеромъ: онъ не перестанетъ думать о предметѣ, пока не добьется полного его пониманія.

И въ концѣ концовъ, трудный вопросъ разрѣшился для него навсегда. Онъ рѣшилъ, что Мещерскій правъ, что актеръ долженъ на сценѣ производить всегда такое впечатлѣніе, словно онъ не играетъ, а живетъ. И вотъ онъ задумался: „Постой же, теперь я удивлю въ Курскѣ, на сценѣ! Вѣдь имъ, моимъ товарищамъ, и въ голову не придетъ играть просто, а я тутъ-то и отличусь“.

Чтобы запомнить всѣ жесты, всѣ тоны, всю дивную по своей простотѣ игру князя, нашъ молодой актеръ сейчасъ же, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, выпросилъ дать ему книгу и тутъ же засѣлъ переписывать пьесу, не вставая съ мѣста.

Всю дорогу на обратномъ пути отъ Голицына домой онъ крѣпко, какъ сокровище, держалъ переписанную пьесу въ рукахъ.

Вотъ уже онъ выучилъ всю комедію наизусть. Онъ идетъ въ рошу и играетъ въ ней роль князя. Онъ перенялъ голосъ, манеру и всѣ движенія своего образца, думая, что отъ этаго игра его будетъ такъ же естественна, какъ и у Мещерскаго. Но вотъ бѣда: онъ чувствуетъ, что выходитъ что-то не такъ. Нѣтъ